

"ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТЫХ ОДЕССИТОВ" Из новой книги

Драгутинская команда

Второстепенный, вроде бы, персонаж, майор Драгутин позитивно упоминается почти всеми дореволюционными одесскими историками и мемуаристами, которые даже не знают его имени, не говоря уже об отчестве. За что такой почет и уважение?

В первые десятилетия XIX века градостроительство Одессы, включая благоустройство, сильно осложнялось самыми разными обстоятельствами, о которых я уже неоднократно сообщал в предыдущих публикациях. Одной из острейших проблем долго оставалось устройство проезжей части и тротуаров — ввиду дефицита подходящих строительных материалов, дешевой рабочей силы и транспорта. Изрядно ограниченная, кроме всего прочего, в потреблении воды, Одесса вполне соответствовала меткой пушкинской метафоре: летом — песочница, зимой — чернильница. Город и в самом деле то задыхался в пыли, то утопал в грязи. На выручку пришло оригинальное рабочее формирование — подчиненные гражданскому ведомству военные арестантские роты.

Они создавались в Одессе и во всем Новороссийском крае согласно императорскому указу от 10 июля 1830 года¹. В принципе такие соединения сродни будущим дисциплинарным батальонам, однако в нашем случае проштрафившиеся нижние чины не подвергались бесполезной муштре, а приспособлялись к всевозможным городским работам, причем не на общественных началах, а за плату, пусть и скромную. Арестанты копали колодцы, ремонтировали пруды, плотины, в целом производили земляные работы, строили казенные здания и сооружения, в том числе важнейшие, помогали пожарной команде и проч. Командиром этой первой одесской арестантской роты (позже их было две) и назначили капитана Трофима Петровича Драгутина, деятельность которого надежно фиксируется архивными² и другими первоисточниками.

Уже в декабре 1831 года деятельный одесский градоначальник А.И. Лёвшин писал генерал-губернатору графу М.С. Воронцову: "Арестантская рота приносит великую пользу городу и служит к большим сбережениям сумм"³. Позднее он развивает эту тему: "Арестантская рота при-

носит мне величайшую пользу. Я ими доволен, и они довольны; ибо победы прекратились, и люди сии веселятся: у них своя музыка, забавляющая по воскресеньям народ, свои певчие, а во время праздников свои качели. Я их вывел из острога, и они живут в казарме своей, как солдаты. Ротного командира Бог мне дал прекрасного человека и хозяина; рота его имеет свои огороды, свое хозяйство. Рота сия будет вроде ремесленного училища: в ней есть разные мастера, которые формируют своих товарищей в плотники, столяры, каменщики, печники и пр."⁴

То есть арестантов освободили из тюрьмы, наравне с солдатами поселили в оборонительной казарме № 5, прежде занимавшейся Одесским карантинным батальоном. Она простиралась примерно по направлению нынешней улицы Новосельского, от Торговой до Ямской, как раз до дома Драгутина в XXV квартале Греческого форштата, отчего впоследствии, когда место казармы застроили жилыми домами, образовавшийся в тылу переулок называли Драгутинским.⁵ Арестантам разрешили устроить "оркестр военной музыки", выступавший на общественных гуляньях, завести собственные аттракционы на пасхальной неделе и масляной, отвели землю под огороды из городского выгона (так называемые Драгутинские плантации располагались близ старого ботанического сада, ниже Куликова поля) и т. д. Если прибавить к этому строгое, но отеческое отношение ротного командира, становится понятной причина, по которой арестанты оставили мысль о побеге, — а ведь пополнение криминального мира во многом осуществлялась как раз за счет беглых арестантов: довольно вспомнить легендарного разбойника Чумака.

Современник вполне солидарен с Левшиным: "...единственным дезинфектором города был только майор Драгутин с его арестантской командой, отличавшейся замечательной дисциплиной и отсутствием случаев побегов, столь нередких в то время не только между арестантами, но и между солдатами".⁶

Одно из основных занятий арестантской роты заключалось в обслуживании городских шоссе, которые в ту пору мостились главным образом известняковым щебнем. Прочный камень, доставлявшийся со Средиземноморья, обходился дорого, а потому использовался для мощения самых важных участков городских артерий — Херсонского, Ланжероновского, Карантинного и Военного спусков — и ответственных фрагментов тротуаров, например, близ Городского театра⁷. Известняковый же щебень перетирался колесами, а потому приходилось постоянно заменять измельченный камень новым. Превратившийся в "глинистую грязь" щебень "собирался с улиц арестантскою рабочею ротою и вывозился на Чумную гору".⁸ Руко-

творная гора эта, собственно, и выросла, в основном, в результате свалки грунта над Чумным кладбищем, где покоились жертвы эпидемий 1812 и 1829 годов. Насыпь устраивалась официально и преследовала две цели: санитарно-гигиеническую и мемориальную (на Чумке установили памятную плиту и предполагали воздвигнуть монумент).

"Шоссировка улиц, — пишет авторитетнейший думец Иосиф Чижевич, — а равно и все почти городские работы производились рабочей арестантской ротой, известною под названием Драгутинской команды, по имени ее начальника. Команда эта строила бульварную лестницу, развела и содержала Лёвшинские плантации (казенные сады на Пересыпи, устроенные по инициативе градоначальника. — **О. Г.**) и производила шоссировку и ремонт городских улиц. Начальник команды, знаменитый в свое время капитан Драгутин, был необыкновенно практичный хозяин, искусный строитель и строгий начальник. Он принес своею командою городу большую пользу и себя не обидел. После выхода в отставку он из маленьких сбережений своих приобрел большое имение вблизи Одессы. Впоследствии только выяснилось много злоупотреблений. Так, например, кучи щебня, принятые в одном месте Строительным комитетом, ночью перевозились подрядчиком на другую улицу и там вторично принимались и т. п."⁹

Построения Чижевича, понятно, чисто умозрительны, поскольку никто Драгутина за руку не поймал. Хотя мемуарист, наверное, прав: аналогичные технологии приписок широко практиковались во все времена, в том числе и не столь отдаленные советские. Что касается принадлежащей командиру арестантской роты недвижимости, у меня по этому поводу собрана исчерпывающая информация. Еще будучи в службе, он соорудил в 1841 году частную торговую баню на Водяной балке, около городских прудов — одну из лучших в городе, постоянно озабоченном вопросами водоснабжения¹⁰, от которой получал некие дивиденды. Магазин и два довольно приличных дома по Нежинской улице (1839, 1846, 1849) формально принадлежали его супруге Анне Ивановне Драгутиной¹¹. Находились они в квартале, ограниченном улицами Конной и Ямской, причем оба были снабжены изрядными погребями.¹² Относительно "большого имения вблизи Одессы" могу сказать только, что, по крайней мере, в 1847-1848 годах на его даче "в сторону Фонтанской заставы" "никакой постройки не имеется"¹³. Впрочем, по свидетельству специалиста в области генеалогии С.Г. Решетова со ссылкой на архивные документы, Драгутин не позднее середины 1850-х владел селом Егоровка Одесского уезда.

Занятно, что Драгутин принимал в эксплуатацию по описи знаменитую Бульварную (Потемкинскую) лестницу от городского архитектора Г.И. То-

ричелли и руководителя Одесского строительного комитета военного инженера Г.С. Морозова. То есть в буквальном смысле слова должен был освидетельствовать 319 ее конструктивных элементов — арки, сваи и проч., включая недоступные физически.¹⁴ Как он справился с этим отчасти виртуальным заданием, судить не берусь, а только лестница жива и поныне.

Трудно даже перечислить функции Драгутинской команды — от благоустройства Старого городского кладбища¹⁵ до укладки первых в Одессе асфальтовых тротуаров "по методу майора Драгутина"¹⁶. А вот образчик деятельности арестантской роты в другом роде. Осенью 1834 года в амбаре при доме небезызвестного собирателя древностей, пушкинского знакомого И.П. Бларамберга, расположенном в начале Канатной улицы, вспыхнул катастрофический пожар. Пламя перекинулось на соседний хлебный магазин барона Штиглица, где хранились пшеница, кожи и сало. Жестокий ветер грозил донести огонь до близлежащих старых и ветхих домов графа Чарторийского и покойного генерала Ферстера. Тут на подмогу подчиненного полиции пожарного подразделения пришла Драгутинская команда: пожар героически удалось локализовать к полудню, однако ни полицейские, ни арестанты не сомкнули глаз всю ночь, "сопровождаясь ужасною бурей", пресекая возгорание от тлеющих балок. "Арестантская рота Драгутина покрыла себя лаврами неувядаемыми", — так комментировал это происшествие градоначальник Левшин в письме к Воронцову.¹⁷

В ходе ликвидации чумной эпидемии 1837 года капитан Драгутин самоотверженно исполнял обязанности комиссара четвертого временного карантина, оборудованного в хлебном магазине, принадлежавшем тому же Левшину и расположенном на Таможенной площади при входе на Ланжероновский спуск.¹⁸ За эти и другие заслуги его вскоре наградили орденом Святого Станислава 3-й степени¹⁹, а в конце 1839 года произвели в майоры.

Короче говоря, Драгутин и его команда все время находились в эпицентре общественной жизни и соответственно внимания. Но, как принято теперь изъясняться, фишка его не только в предприимчивости (он, например, покупал с торгов строения, предназначенные на слом, чтобы вторично использовать стройматериалы от разборки), энергичности, профессионализме. Еще на заре своей служебной карьеры, не обладая сколько-нибудь солидным капиталом и не владея никакой недвижимостью, супруги Драгутины рельефно обозначились как люди чрезвычайно богобоязненные и милосердные. В 1835 году Трофим Петрович пожертвовал немалую для него сумму сиротскому дому Одесского женского благотворительного общества,²⁰ а в следующем году Анна Ивановна приняла на себя обязанности сотрудницы этой че-

ловеколюбивой институции,²¹ что означало не только физическое, но и материальное участие в ее добрых делах. С тех пор пожертвования этой почтенной четы регулярно фиксируются в местной муниципальной газете.²² Анна Драгутина, урожденная Бирюкова (в первой половине XIX столетия весьма состоятельное, но впоследствии постепенно обедневшее купеческое семейство), состояла в Одесском женском благотворительном обществе до 1851 года²³, скончалась в 1854-м и была похоронена в семейном склепе Бирюковых на Старом кладбище. В 1908 году ее прах перезахоронили в палисаде при том же склепе, справа от входа на кладбище, у самой стены.²⁴

Осенью 1847 года майор Драгутин "уволен от службы (...) за болезнью, с мундиром и пенсионом полного жалованья"²⁵, прослужив в общей сложности четверть века. Но еще накануне вызвался стать одним из попечителей сооружения Сретенского храма на Новом базаре²⁶, старостой которого был впоследствии. Параллельно он занимался заготовлением строительных материалов и надзором за сооружением Александровского детского приюта²⁷. Его опыт оказался востребованным и на редкость полезным: у Драгутина все получалось дешевле, качественнее, оперативнее. В это время он состоял уже в Одесском городском попечительстве детских приютов, сама российская императрица выказала ему свое благоволение и назначила почетным попечителем этой инстанции.²⁸

Летом 1850 года Драгутин заявил о своем намерении построить собственными силами часовню на набережной, против Бульварной лестницы, и о том, что уже приступил к заготовлению необходимых материалов.²⁹ Здесь необходимо пояснение. В 1849 году по случаю 60-летия взятия Хаджибея был учрежден крестный ход в память основания Одессы — 22 августа (2 сентября) 1794 года. В связи с этим многие города России принесли на благословление Южной Пальмире списки с наиболее почитаемых святых икон. Из Киева — образ "Богородицы Печерской", из Новгорода — "Собор Всех Святых Новгородских", из Москвы — образы "Богоматери Иверской", "Богоматери Владимирской", "Богоматери Донской" и "Святителей Чудотворцев Московских", из Санкт-Петербурга — образы "Богоматери Казанской", "Спас Нерукотворный", "Всех Скорбящих Радости", "Александра Невского", из Смоленска — "Богоматери Смоленской", из Ярославля — "Богоматери Толгской". Святые образы были доставлены из Пскова, Твери, Костромы, Ростова Великого, Вологды, Воронежа, Иркутска, Тотьмы, Великого Устюга, Соловецкого монастыря, Харькова, Чернигова, Могилева, Тифлиса, Константинополя, а с Афона доставили крест, изготовленный из трех экзотических пород дерева. Поскольку крестный

ход начинался от памятника герцогу Ришелье, а во время водосвятия — от подножия Бульварной лестницы, часовню для размещения этих святынь уместно было устроить на набережной, меж Карантинной и Практической гаванями. "Сооружение принял на себя отставной майор Драгутин, известный всему городу нашему как долговременную и весьма полезную службою своею, так и неутомимую христианскою благотворительностью"³⁰.

Закладка часовни — разумеется, во имя Всех Святых — состоялась 17 июня 1851 года, причем в ходе строительства (1851-1852) Драгутин наилучшим образом исполнил взятые на себя почетные обязательства³¹. В дальнейшем часовня дополнилась небольшим храмом Святителя Николая Мирликийского — покровителя мореходов, нередко именовалась Портовой или церковью при Одесской портовой таможне, будучи одновременно Всехсвятской и Свято-Николаевской.³² В 1857 году по проекту архитектора И.О. Даллакка вокруг церкви соорудили ограду с садиком.³³ Здесь впоследствии служил святой подвижник отец Иона Атаманский, а в середине 1930-х храм бесцеремонно разрушили.

В 1850 году Драгутин жертвовал на устройство Одесской богадельни сиротобольных сестер,³⁴ впоследствии — Стурдзовской, в пользу сербской церкви и народа.³⁵ В начале 1855 года подарил бедным жителям города десять возов кирпича и десять возов соломы,³⁶ в ходе Крымской войны внес деньги на формирование ополчения.³⁷ Многие годы Трофим Петрович продолжал свою человеколюбивую деятельность и как почетный член Одесского городского попечительства детских приютов.³⁸ Высочайше пожалованный ему еще в 1842 году орден Св. Владимира 4-й степени автоматически давал ему дворянство.

После 1863 года³⁹ я более не нахожу его следов по архивным и другим первоисточникам. В метрических книгах записи о его кончине пока не обнаружено. Так или иначе, а майор Драгутин показался мне достойным внимания человеком, а потому и впредь намерен заниматься связанными с его судьбой разысканиями.

Примечания

¹ ПСЗРИ, т. V, 1830 г., отд. I, сс. 701-706.

² ГАОО, ф. 59, оп. 1, дд. 1593, 2072 и др.

³ Архив князя Воронцова, кн. XXXIX. — М., 1893, с. 27.

⁴ Там же, с. 52.

⁵ В общих чертах верно этот сюжет представлен в издании: Я. Майстровой. Улицы Одессы. — Одесса, 1998, сс. 46, 167; здесь, впрочем, неверно названы инициалы Драгутина, его воинское звание и дата вступления в должность.

- ⁶ Из прошлого Одессы. — Одесса, 1894, с. 137.
- ⁷ Одесса: 1794-1894. — Одесса, 1895, сс. 245-246.
- ⁸ Из прошлого Одессы. — Одесса, 1894, с. 14.
- ⁹ Там же, с. 15.
- ¹⁰ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2538. Стара Одеса. Архітектура Причорномор'я. — Видання Одеського державного художнього музею, 1927, с. 35.
- ¹¹ ГАОО, ф. 59, оп. 2, дд. 969, 1306. Стара Одеса. Архітектура Причорномор'я. — Видання Одеського державного художнього музею, 1927, с. 35.
- ¹² Труды Одесского статистического комитета. Вып. I. — Одесса, 1865, сс. 120, 122.
- ¹³ Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. — Б. м., б. г., с. 72.
- ¹⁴ В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье... — Одесса: "Друк", 2001, сс. 54-55.
- ¹⁵ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 669, лл. 72-83; д. 668, лл. 17-21, 24-29.
- ¹⁶ Одесский вестник (далее — ОВ), 1842, № 75, 19 сентября.
- ¹⁷ Архив князя Воронцова, кн. XXXIX. — М., 1893, с. 100.
- ¹⁸ С. Сафонов. Описание чумы, постигшей Одессу в 1837 году. — Одесса, в городской топографии, 1838, с. 114.
- ¹⁹ ОВ, 1838, № 18, 2 марта: здесь — 4-й степени.
- ²⁰ ОВ, 1835, № 89, 6 ноября.
- ²¹ ОВ, 1836, № 34, 25 апреля.
- ²² ОВ, 1840, № 6, 20 января; 1841, 31 декабря; 1843, №№ 3, 103; 9 января, 25 декабря и др.
- ²³ Новороссийский календарь (далее — НК) на 1851 год, с. 318.
- ²⁴ Известия Одесской городской Думы. Год 13-й. № 7-14, 1908, сс. 1093-1098.
- ²⁵ ОВ, 1847, № 94, 22 ноября.
- ²⁶ ОВ, 1847, № 81, 8 октября.
- ²⁷ ОВ, 1847, № 97, 3 декабря.
- ²⁸ ОВ, 1848, № 22, 17 марта.
- ²⁹ ОВ, 1850, № 59, 26 июля; НК на 1851, сс. 414-415.
- ³⁰ ОВ, 1851, № 49, 23 июня.
- ³¹ К.Н. Смольянинов. История Одессы. — Одесса, 1853, сс. 268-269.
- ³² "Одесские заметки": ОВ, 1856, № 67, 14 июня — церковь упомянута как уже существующая. Протоиерей Георгий Попруженко. Ведомство православного исповедания в Одесском градоначальстве, за 1863 год. — Труды Одесского статистического комитета. Выпуск I. Одесса, 1865, с. 139. Одесская старина, 1869, сс. 16-17. Одесса: 1794-1894. — Одесса, 1895, с. 396.
- ³³ ГАОО ф. 59, оп. 2, д. 1857; ф. 895, оп. 1, д. 272.
- ³⁴ ОВ, 1850, № 97, 6 декабря.
- ³⁵ ОВ, 1850, № 72, 9 сентября.
- ³⁶ ОВ, 1855, № 8, 20 января.
- ³⁷ ОВ, 1855, № 41, 12 апреля.
- ³⁸ НК на 1856, с. 353. НК на 1857, с. 364. НК на 1858, с. 389. НК на 1859, с. 393. НК на 1860, с. 403. НК на 1861, с. 368. НК на 1863, с. 353.
- ³⁹ "Городские происшествия": ОВ, 1863, № 71, 29 июня.